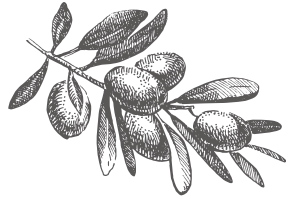

*Записки паломника,
побывавшего на Святой Горе*

ГРОМОВ

АЛЕКСАНДР

ПАРА КАЛО

ИЛИ

ДНЕЙ НА АФОНЕ

ВОСЕМЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АПОСТОЛ ВЕРЫ»
МОСКВА • 2018

УДК 23/28, 179.9
ББК 86.372
Г 55

*Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*
№ ИС Р17–735–3651

Громов А.В.

Паракало, или Восемь дней на Афоне. — М.: Издательство «Апостол веры» (ИП Семенец И.Ю.), 2018. — 512 с.

Боголюбивые читатели, книга Александра Громова, номинанта Патриаршей литературной премии 2016 года, повествует о паломничестве двух друзей на Святую Гору Афон — в православную монашескую республику, земной удел Божией Матери. Вместе с главными героями вы побываете в святых обителях, которые, как звёзды, на протяжении веков сияют светом неизреченной благодати. В книге приведён большой исторический материал, рассказывающий об истории Афона, его монастырей, скитов.

За восемь дней, проведённых на Афоне, у героев книги постепенно меняется мироощущение. Домой они возвращаются не только с сувенирами и подарками для близких, но и с решением изменить себя, начать борьбу со своим «ветхим человеком»...

ISBN 978–5–9908988–8–2

© Издательство «Апостол веры»
(ИП Семенец И.Ю.), 2018

Уважаемый читатель!

Эта книга — труд одного благочестивого русского паломника, недавно посетившего Святую Афонскую Гору, а также нашу древнейшую русскую обитель на Афоне — Ксилургу, насельником которой я тогда являлся (ныне несу своё послушание огородника в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре), и добросовестно написавшего об этом.

Надеюсь, книга заинтересует вас, дорогой читатель, и вы с удовольствием её прочтёте, ибо написана она православным автором, который усердно молился, постился, часто исповедовался и причащался Святых Христовых Тайн, а посему писалась она со страхом Божиим, молитвой и любовью на радость, пользу и духовное преуспевание всем читающим.

Да благословит Господь по молитвам Божией Матери, нашей Игуменьи и Покровительницы Святой Горы, нашу Родину — Русь Святую, наше духовенство, наших воинов, сражавшихся и ныне находящихся в рядах христолюбивого воинства Российского, которые, несмотря на хаос в стране и разоружение властями нашей армии, с Божией

помощью всё-таки стараются охранять и защищать нашу Матушку Россию, наших отцов и матерей, нашу молодёжь и детей...

Да хранит Господь всех нас от всяких войн, бед и скорбей, а наипаче от голода духовного, ибо, как всем известно, последнее время и с экранов телевизоров, и по радио, и в печати мало чего увидишь и услышишь здравомыслящего, полезного, а наипаче православного, доброго и святого, а всё больше насилие, разврат, сквернословие, всякую глупость, а то и чистый сатанизм. И эфир, и экраны телевизоров, и газеты, и книги, и журналы — всё пропитано человеческой кровью. Что ни возьми в руки — одна кровь: войны, убийства, насилие, заложники, взрывы, дорожные аварии и так далее, а отсюда переполнены все тюрьмы и строятся новые и вместительные, не хватает в мире психбольниц, психиатров, так как люди благодаря такому «культурному» промыванию мозгов СМИ потеряли веру православную, Церковь, Христа, а взамен приобрели себе свободу для греха, безумие, беснование, расстройства психики, бессонницу и сами добровольно водворились в психушку. Вот достойный плод свободы без Бога.

Ищут себе исцеления где попало: у колдунов, гадалок, ведьм, у шарлатанов и проходимцев, а совсем забыли (а то и не знали), что Истина, Жизнь, Мир, Путь, Свет и Воскресение — это Сам Господь наш Иисус Христос, Который через Своих служителей в Церкви Православной врачует все болезни наши и недуги и прощает нам после исповеди все наши грехи.

Призовём Господа себе на помощь, дорогой читатель, и, прочитав книгу, в которой много полезного и нравственного, вспомним о душе своей и о том, что нам когда-то надо будет умереть и дать отчёт о прожитой жизни.

Поспешим к стопам Христовым со смирением и сокрушением, с покаянием и любовью, и почиет тогда на нас благодать Божия, милость Божией Матери и благословение Святой Горы Афонской!

*С любовью о Христе, Ваш Соотечественник,
+ незаслуженный Иеромонах Николай /Генералов/.
Святая Гора Афонская 17(30) Сентября 2009г.*

От редактора

Рукопись принесла немолодая сухонькая женщина. Таких можно встретить в храмах, они следят за подсвечниками, протирают иконы, раздают просфоры. Я даже подумал: «Почему ангелов изображают юношами с греческими кудряшками? Вот же они!»

Было начало лета. Хотелось на дачу. Или вообще куда-нибудь. И тут ангел с объёмной рукописью.

- А почему вы решили принести её нам?
- А куда ещё? — удивилась женщина.
- Ну да...

Я взял папку, раскрыл и прочитал: «Паракалó».

— Странное название. Вы что, хотите удивить, показать свою образованность?

Женщина молчала.

— Так о чём сие... повествование?

— Вы прочтёте, тогда всё узнаете...

Она права: хорошую литературу пересказать нельзя.

— Это ведь, — я похлопал по увесистой папке, — долго читать придётся. С месяц, не меньше...

Женщина кивнула и, как показалось, вздохнула с облегчением. И так же, как и появилась, тихо исчезла.

По мере истечения установленного срока чувство должника всё более тяготило меня, но объём папки страшил ещё больше, и я всё тянул. Наконец, чуть не в последний день, открыл папку...

И рукопись увлекла. Теперь уже я с нетерпением ждал, когда придёт сухонькая женщина. У меня накопилось много вопросов. И первый: кто автор книги?

Но женщина в оговорённые сроки не появилась, не появилась она и через два месяца, и через три, а в сентябре я понял, что она не придёт вовсе.

Одно время я пытался сам вычислить автора, но когда уже почувствовал близость разгадки, что-то остановило: ведь были причины у автора не подписываться и не появляться в редакции? Так зачем я пытаюсь узнать то, что знать необязательно? Действительно, так ли уж важно, кто написал книгу? Если автору будет угодно объявить себя после публикации — пожалуйста!

Но вот с публикацией возникли сомнения. Мне захотелось напечатать рукопись, но казалось, что такой вольный и даже ироничный тон повествова-

ния неуместен для рассказа о Церкви, тем более — о её святынях.

Но и просто так оставаться под спудом эта рукопись не могла. И тогда пришло решение совершить путешествие точно по тому маршруту, который описывается в книге.

После того, как я вернулся, понял, что опубликую рукопись хотя бы потому, что благодаря ей совершил это паломничество.

Может быть, эта книга откроет путь на Святую Гору кому-то так же, как и мне.

Особо благодарю настоятеля скита Ксилургу иеромонаха Николая (Генералова), благословившего публикацию, монаха Агафодора, протоиерея Алексия Агеева и протоиерея Сергия Гусельникова, много потрудившихся над исправлением неточных мест.

Также благодарю писателей Алексея Смоленцева, Дмитрия Агалакова, Сергея Жигалова, Александра Игнатова, оказавших неоценимую помощь в работе над рукописью.

Со своей стороны, я как редактор постарался минимально вторгаться в текст рукописи, а все комментарии, примечания, уточнения вынес в конец книги, дабы они не отвлекали читателя от повествования.

*Александр Громов,
редактор издательства «Русское эхо»*

Зачем я ездил на Афон?¹ Впрочем, пора ставить вопрос более правильно: зачем Господь привёл меня туда?² Ведь это было? И это уже стало частью меня. Зачем?

Наверное, я искал Бога. Это черта русского народа, которая никогда не охладевала в нём, хотя уводила порой так далеко от Него, что возвращение казалось невозможным.

Мы ищем Бога на земле. Сказано: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

Но мы не видим Тебя, не осязаем, бродим, как слепые, вытянув руки: где Ты, Господи?!

Я люблю Россию. Вернее сказать, она в моём сердце, существе, во всём, что есть «я». И оттого, говорю ли о любви или не говорю, она не отнимется от меня. Всё остальное — слова.

Но рая мы здесь не построим. Потому что мы просим материального рая, а разве он может быть материальным? Поэтому и получается всякий раз обезьянья пародия...

Но есть Святая Гора, где положен предел суетному и преходящему, где заканчивается земля и начинается Небо. Там люди живут по законам Любви.

И если это не рай, а только тень его, то можно ли хоть на миг укрыться в ней от сжигающего жара цивилизации?

Я просил Господа показать мне это место. И Господь призрел на меня и утешил. А я... я... я... Кругом одно «я».

Простите меня.

Сочинитель

ПАРА КАЛО

или
ДНЕЙ НА АФОНЕ
ВОСЕМЬ

Предисловие

Принимая маслице от мощей святого Афанасия и пластмассовые иконки Божией Матери, батюшка сказал:

— Вам надо обязательно написать о вашем паломничестве.

Не заметив с моей стороны никакого энтузиазма, добавил:

— Стали бы вторым Зайцевым...

«Да, читал я Зайцева...» — отозвалось в голове, и вместо того чтобы подойти под благословение, я слегка отступил и кивнул на иконки:

— В общем, раздадите тогда...

— Конечно! В воскресенье после литургии...

Я ускользнул из-под благословения...

Через несколько дней я был у владыки (как и зачем я к нему попал, расскажу в своё время). В конце беседы он сказал мне:

— Когда напишешь, покажи мне.

Хотя я-то как раз и говорил о том, что не могу писать. Уходя, благословился, конечно, и подумал: «К чему относится это архиерейское благословение — к писательству или к моему бытию вообще?»

В следующий раз о книге заговорила жена. Мы с ней возвращались домой после того, как я два часа рассказывал оставшимся в храме прихожанам о паломничестве. И она спросила: «А почему бы тебе не записать всё это?» К вечеру слегка подморозило, ветер стих, в воздухе поблёскивали лёгкие снежинки. А я-то думал, что она обиделась. Когда спросили о моих первых ощущениях на Афоне, я брякнул: «Почувствовал, что попал домой».

Я попытался ей объяснить, что не смогу написать правдивой книги об Афоне — что бы ни писал, это будет книга обо мне. Истории о монастырях, чудотворных иконах, о том, во сколько начинаются и как проходят службы, какое расстояние между Лаврой и Ивероном, что такое вселенское время, сколько стоит билет на паром, — всё это можно найти в справочниках, путеводителях, в Интернете, в конце концов...

— А сколько стоит билет?

Откуда я помню? Это профессиональные писатели фиксируют детали, припиливая их в блокноты, как коллекционер — бабочек. Меня же всегда привлекало целое и живое.

Со временем обстоятельства выветриваются... Меня даже частенько ловят: мол, в прошлый раз я рассказывал по-другому. Так я уже и сам толком не помню, как было на самом деле, для меня важно, чтобы собеседник почувствовал то же, что тогда переживал и я, чтобы он разглядел, что находится там — за внешней оболочкой событий и фактов.

Так каждый раз создаётся новый мир, который бывает гораздо реальнее настоящего. Собственно говоря, это и есть литература.

«Так вот, — повторил я, — никогда правдивой книги об Афоне у меня не получится. А билеты, кстати, Лёшка покупал».

Жена стояла под горкой и ловила съезжающего на картонке сына. «Кому я всё это рассказываю?»

Вечером я написал письмо Лёшке, то бишь Алексею Ивановичу, и он в ответ переслал моё же письмо, отправленное два года назад, с выделенными строчками: «Игумен предлагал поехать на Афон. Я обрисовал ему картину, которая может сложиться во время нашего совместного пребывания там (ещё, говорю, и Алексея Ивановича прихватим). Игумен грустно вздохнул и то ли утвердился, то ли ещё раз спросил: „Значит, не поедем...“».

«Есть же хорошие люди», — подумал я об Алексее Ивановиче и вспомнил, как уже после возвращения с Афона к нам пристало слово «паракало». Бывает такое. Пристанет — и всё тут. Алексей Иванович как истинный поэт перепробовал это слово со всех сторон и, выдав рифму: «Купив винишка полтора кило — паракало́, паракало́», ещё долго лепил его к месту и не к месту, но лучше, кажется, уже не получалось.

Но словцо-то непростое. Вообще-то оно означает «пожалуйста». Его мы услышали, войдя в аэропорт Салоник. Так там начинаются все объявления на вокзалах. И я тогда ещё подумал: «Какая это должна быть добрая страна, где к тебе обращаются не „граждане пассажиры“ или „внимание“, а „пожалуйста“!»

Можно сказать, я полюбил Грецию с первого слова.

И я подумал, что если в самом деле возьмусь писать книгу об Афоне, то и назвать её надо будет «Паракало». Пусть это слово задаёт тон.

На следующий день мне понадобилась какая-то книга, я подошёл к книжной полке и наткнулся на томик Бориса Зайцева. В последнее время я вообще стал замечать, что книги, связанные с Афоном, так и идут мне в руки. Это как у женщин, сделавших аборт, — им всё время на глаза попадают беременные и маленькие дети.

Не выдержав, полез посмотреть электронную почту, что там ответил мне Алексей Иванович по поводу названия. А вместо этого получил письмо от батюшки, с которым познакомился в Германии. Пару лет назад, когда врачи уже особо и не рассчитывали на свои силы, он меня соборовал. Батюшка сообщал о столичных успехах на сценарном поприще и благословлял писать про Афон хотя бы страничку в день перед сном.

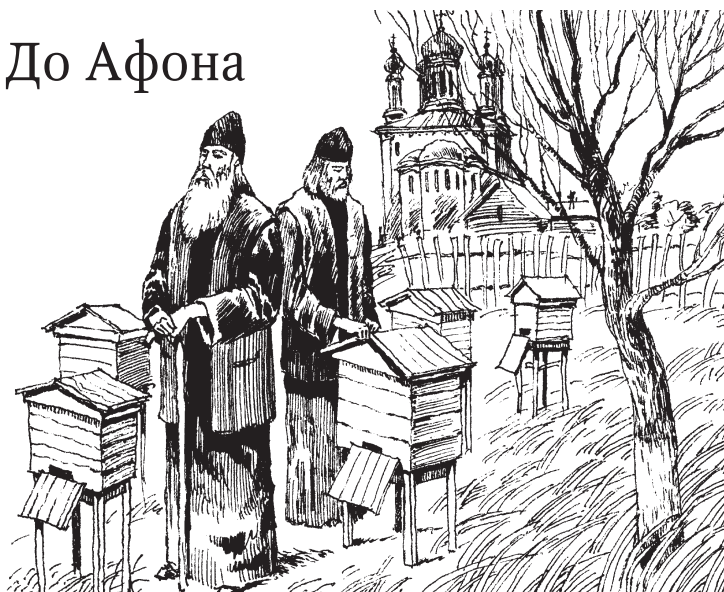
Я заварил кофе, съел кусочек привезённого из Иверонского архондарика² лукума. Вернулся за рабочий стол и вывел: «Паракало».

Фамилию решил оставить в покое. От близких и так не скроешься. Дальние... Кому понравится — слава Богу, пусть помолятся за раба Божия Александра, кому не понравится — тоже пусть молятся. В любом случае благодарен за терпение.

Терпеть и молиться — вот чего не хватает нам сегодня.

Это мне в конце аудиенции владыка сказал.

До Афона

I

Так вот, письмо моему товарищу, в котором впервые осознанно упоминается возможность поездки на Афон, было отправлено летом 2005 года. Чтобы стало понятнее, что сам путь на Афон не так-то прост, я вынужден остановиться на некоторых моментах двухлетнего доафонского периода. Постараюсь быть краток.

Прошёл почти год разговоров, обсуждений, мечтаний и прочего трёпа, пока склотилась группа из шести человек и меня делегировали в Москву для переговоров с турагентством.

На обратном пути я почувствовал себя неважно. Два дня промаялся животом, а на третий жена вызвала «скорую». В больнице меня сразу отправили в реанимацию и стали готовить к операции. Жену

при этом врачи огорошили тем, что дают только десять процентов, что я выживу. После операции шансы повысились до тридцати, но тут уж врачи сказали, что ничего больше сделать не могут: тридцать процентов — это статистика выживаемости после таких операций.

Но самое интересное не в этом! Во время двухчасовой операции я побывал на Афоне.

Когда я отключился от внешних обстоятельств, ко мне подошёл священник.

Я бы и сейчас узнал его: плотноватый, лет под пятьдесят, с аккуратной чуть седеющей бородкой.

Он взял меня за руку и сказал:

— Ты хотел посмотреть Афон. Пойдём!

И мы в мгновение ока оказались на Святой Горе. Помню, был ветер и солнце, а внизу расстились зелёные склоны, змеились тропки и повсюду виднелись средневековые крепости монастырей.

Я стоял на вершине Горы и думал: «Вот Афон! Я так хотел сюда попасть. Как здесь хорошо!» Но почему хорошо, этого я понять не мог.

Не знаю, как, но с вершины Горы я увидел, что в операционную быстро вошли два человека: один был похож на Мичурина, каким изображают его в школьных учебниках, другой — мой духовник, с которым я уже года три толком не общался.

— Он нам нужен, — сказал духовник, и меня сняли с Горы.

Потом я спрашивал:

— Кто ещё приходил в операционную?

— Никто не приходил.

Может, скрывают?

Врачи тем временем приступили к телу, а я понял, что сейчас меня разберут по винтикам, по клеточкам, вычистят, выметут, выбросят все мои страсти, страстишки, а потом соберут чистенького, опрятенького, стерильного, как упакованный памперс, — и делай со мной что хошь. И стало так жаль себя прежнего. Грехов стало жаль. Пива, футбола, чего там ещё...

— Ну ладно, — вздохнул я, — раз уж по-другому не получается... — и стал рассказывать врачам, какие у меня замечательные жена и сын.

В общем, я так понимаю: священники и семья меня вымолили.

Потом я ещё три месяца мыкался по больницам. Жена в это время вела исключительно подвижническую жизнь, что периодически нашим русским женщинам приходится делать. Дай Бог им за все их труды утешение!

Одно таскание каждое утро кашки, а вечером бульончика чего стоит! А надо было ещё отводить сына в садик, ехать на работу, там, собственно, работать и потом ещё в садик за сыном. Я, как стал более-менее ходячим, изъявил желание посещать больничную столовую, на что заведующий хирургическим отделением замахал руками: «Ты что! Эту пищу и здоровым-то есть нельзя!» Вообще надо признать, что врачи ко мне относились бережно и с любовью — всё-таки статистику я им подправил.

После больницы больше всего хотелось отблагодарить жену, только я не знал, как. Просто сказать: «Я тебя люблю» в голову не приходило. Хотелось чего-то эффектного. А тут выяснилось, что

у нас завелись деньжата. Получалось, что на лекарства уходило меньше, чем на футбол и пиво.

И мы семьёй поехали в Италию. На всякие хождения по магазинам жене была выделена аж тысяча евро, но она опять удивила (как всё-таки мало мы знаем любимых), заявив: «На нашем рынке я куплю и дешевле, и лучше». Я старался ни в чём семейству не отказывать, но запросы оказались скромными и дальше мороженого и гондольеров не зашкаливали, так что большую часть я привёз домой.

«Как раз и на Афон хватит», — само собой подумалось мне.

— Вот и хорошо, — согласилась жена.

С этого времени я уже точно знал, что попаду на Афон. И, что удивительно, я не предпринимал никаких особых усилий, всё шло своим чередом и устраивалось само собой. Мне только не надо было мешать плавному течению обстоятельств.

Для начала я переговорил с теми, кто собирался ехать на Афон год назад. Трое всё-таки съездили в Грецию, но на сам Афон не попали, их прокатили вокруг полуострова, зато побывали в Бари и приложились к мощам святителя Николая. И слава Богу.

Общее впечатление выразил один из путешественников:

— Больше никуда не поеду. Уж лучше к отцу настоятелю в деревню. Башка наутро болит так же, но денег затрачиваешь гораздо меньше.

С самым отцом настоятелем состоялся примерно следующий душевный разговор.

Был август, братия монастыря качала недалеко в хибарке мёд, а мы, сидя на терраске в тени «энтэ-

вэшной тарелки», любовались недавно поднятыми на новом храме куполами, лениво отгоняли мух от тарелки с нарезанным арбузом и предавались излюбленному русскому занятию — мечтали.

Отец настоятель сподобился-таки побывать на Афоне в составе официальной делегации с владыкой и пытался делиться впечатлениями. Почему «пытался»? Потому что о чём бы я его ни спросил, он умиrotворённо зажмуривал глаза и благостно отвечал:

— Хорошо...

— Так поедем!

Отец настоятель покосился на хибарку. Там кипела работа.

— Денег надо.

Мёд батюшка раздаёт бесплатно. Сначала — владыке, потом — духовнику, потом — монастырям, потом — честным отцам, потом — своим отцам, потом — клиру, потом — прихожанам. Зная, сколько народа утешает батюшка, Господь посылает мёд в невероятных количествах.

— Найдём! — настаивал я (у самого-то уже были).

— У владыки отпрашиваться надо... А я храм ещё не достроил, — и он снова залюбовался сияющими новенькими куполами.

— Ладно. Нет так нет. Мы решим с датой, а там кто хочет, пусть присоединяется.

Мы помолчали. Солнце спустилось к лесу, и купола огненно вспыхнули.

— Благодать-то какая! — с чувством произнёс отец настоятель и добавил любимое: — Хорошо...

Потом пригнулся ко мне и шёпотом, хотя вокруг нас, кроме мух, живых тварей не было, спросил:

— А Алексей Иванович курить-то не бросил?

Я успокоил батюшку.

Тот задал следующий провокационный вопрос. Я снова не разочаровал.

— Да... — протянул батюшка, полной грудью вдыхая вечернюю свежесть, замешанную на медовом духе. — Хорошо бы вот так пройтись с Алексеем Ивановичем по Афону...

И в этот момент я понял, что нам с Алексеем Ивановичем придётся ехать вдвоём.

Отец настоятель в ночь поехал на пасеку за новой порцией мёда, я лежал в пустом доме, утопая в пуховой перине, словно в облаке, и думал: «Может, оно и к лучшему?» И я поехал к Алексею Ивановичу — в нём я не сомневался.

Три дня, пока я гостил у него, он говорил об Афоне, как будто поездка — уже дело решённое, и надо обсуждать не то, как мы туда попадём, а что брать с собой. И оттуда — тоже. Узнав, что супруга моя беременна, он аж подскочил:

— Тебе точно надо быть на Афоне. Хотя бы потому, что ты должен привезти Пояс Богородицы для жены. И ты попадёшь, потому что тебе надо. А я пойду с тобой прицепом.

Я проникся ответственностью: теперь и прицеп тянуть надо, а когда понимаешь, что судьба других зависит от тебя, — это великая сила.

Возвращаясь от Алексея Ивановича, я заехал в Москву.

Подворье Свято-Пантелеимонова монастыря³ оказалось практически в самом центре столицы и поразило тишиной. Это было настолько неожидан-

но — пронестись с огромной толпой по подземелью, быть вынесенным на свет Божий и проташенным сквозь недовольно порывающие автомобили, протиснуться мимо торговых рядов и вдруг оказаться в покое. Нет, каким-то фоном присутствие цивилизации доносилось, но слабо и бессильно, словно комариный зуд за стенами надёжной палатки.

Дежурный при воротах указал мне на доску объявлений, где сообщалось, что для того, чтобы попасть на Афон, надо по факсу отослать в Пантелеимонов монастырь заявление, копию благословения настоятеля прихода и ждать вызова. Срок пребывания в Пантелеимоновом монастыре — шесть дней. В свободное от церковных служб время надо будет выполнять монастырские послушания, то есть работать.

Работать, честно говоря, не хотелось.

Нет, поработать на монастырь, а стало быть, для Бога, — благо. Бывая в монастырях, я давно убедился, что труд этот, даже если и физически тяжёл, радостен, и его всегда ровно столько, что остаётся время и помолиться, и к святыням приложиться, и окрестности обозреть.

Но... хотелось-то походить по Афону, а не быть привязанным к одному месту.

Но если другого пути нет...

Добросовестно всё переписав, я пошёл в храм. Заканчивалась литургия, и начинался молебен преподобному Серафиму Саровскому.

Службу вёл бодренький старичок с мягким, негромким, но твёрдым голосом. Очень он сразу

понравился — и ведь не объяснишь, чем. В нём чувствовалась строгость и вместе с тем доброта и любовь. А может быть, любовь без строгости?

В общем, батюшка располагал. И когда после службы все подходили под благословение, целовали крест и руку, дающую его, я на удивление легко нарушил благочинный порядок и, остановившись, попросил:

- Батюшка, благословите на Афон поехать.
- Куда ты собрался? — и в строгом голосе снова слышались доброта и любовь.
- На Афон.
- Как звать-то тебя?
- Александр.
- Ну-ка, отойди в сторонку, постой здесь...

Я отошёл к правому клиросу, и отпуст⁴ продолжился своим чередом.

— Жди, — сказал добрый старичок, закончив службу, — сейчас братия пообедает и поговорим.

Я вышел во двор. Чисто, светло, никакого ощущения, что ты находишься в огромном мегаполисе. Словно и впрямь невидимые стены не пропускают сюда мир. Такое же чувство возникало у меня и в Дивеево, и в Санаксарах, и в Вятке, и в Муроме, и в других монастырях... Какие чудные островки мира!

Мне вспомнилась поездка с группой молодёжи в Псковскую область. Мы путешествовали неделю на автобусе, днём посещали монастыри, церкви, места боевой славы русского народа, а ночевать останавливались небольшим лагерем, сворачивая с дороги, куда Бог на душу положит.

Возглавлял группу чудесный священник. Он тогда ещё не игуменствовал, даже протоиереем не был.

Одну очаровательную ночь мы провели на Ладозе. Огромных размеров полная луна покоилась на водах Ладоги. Казалось, что стоит немного пройти по лунной рябой дорожке, и ты окажешься в ином мире. И под огромным притягивающим глазом луны ясно чувствовалось, как мал и хрупок человек.

Утром мы с батюшкой отправились осмотреть окрестности, куда нас привёл Господь на ночёвку. Место это мы обрели уже глубокой ночью, до этого были поломка автобуса, блуждание по незнакомым дорогам — и вдруг перед нами открылись спокойствие Ладоги и полная луна.

Отойдя с десятков шагов от лагеря, мы увидели небольшую, метра три высотой, брошенную полуразвалившуюся часовенку, на двери которой висел ржавый замок. Сразу за часовенкой обнаружились едва различимые холмики и скелеты оградок. Батюшка сходил в лагерь, облачился, принёс необходимое и отслужил литию.

Это удивительное чувство — молиться за неизвестных людей. Ты знаешь, что ничем не обязан им, как, например, родственникам или знакомым, никакого мирского знания об этих людях, похороненных у стен православного храма, не применяется, и просишь от чистого сердца вечного покоя. Какая разница, кто здесь лежит: священники, дьяконы, простолюдины... И так искренне тогда мы молились ещё и потому, что молитва наша возникла не как правило или обязанность,

а сама по себе, и мы откликнулись на неё и в ней пребывали.

Потом мы пошли дальше и ещё через десяток шагов наткнулись на небольшой разновеликий вал, за которым угадывался ров.

— А ведь здесь, наверное, был монастырь, — сказал батюшка.

Тут донеслось странное тарахтение, и из-за кустов выбралось не менее странное движущееся средство: то ли трактор, то ли тележка с чадящим моторчиком. Управлял агрегатом неопределённого возраста человек — мужиком уже не назовёшь, в старики ещё не годится, в общем, работяга.

Поравнявшись с нами, он заглушил свою тарахтелку и, не дожидаясь вопросов, рассказал, что до войны тут был монастырь, а как война началась, здесь сильные бои шли, монастырь несколько раз переходил из рук в руки, а теперь тут ничего нет.

Выдав всё это, работяга запустил типа трактор и утарахтел за угол леса. Откуда приехал? Куда делся?

Молчание нарушил батюшка:

— Представляешь, если бы монастыри не покрывали, какая бы оборона была! Никакой немец бы не прошёл! Монастыри по России — это же крепости!

Заметив, что я хочу что-то сказать, и зная мою привычку иронизировать по поводу и без, батюшка, оберегая прекрасную минуту, строго добавил:

— И духовные крепости — тоже.

А я и не хотел ёрничать, я хотел только сказать, что если б монастыри не покрывали, то никакой немец на нас и нападать бы не стал.

Про духовную крепость я и вспомнил, прохаживаясь по подворью Пантелеимонова монастыря.

И как олицетворение духовной крепости из храма уверенной военной походкой вышел иеромонах средних, подполковничьих лет. Он тут же был атакован невесть откуда взявшимися женщинами (прятались они где-то, что ли) и взят в кольцо. Воинственность его погасла, и он стал больше похож на учителя после родительского собрания. Я стал подвигаться к группе. Иеромонах заметил меня, благословил женщин и, пока те не успели разогнуться, повернулся ко мне. Я шагнул ближе. В голове у меня, собственно, крутилось одно:

— Батюшка, благословите на Афон поехать!

— И каким образом ты туда поедешь? — несколько озадачил встречным вопросом батюшка.

Я, как послушный ученик, изложил вычитанное на стенде: мол, вот-де напишем письмо в Пантелеимонов монастырь, дождёмся ответа, можем там и поработать... Видимо, как работник я доверия не внушал.

— Нечего тебе в Пантелеймоне делать, — определил иеромонах. — По Афону пройтись надо.

Вот те на! Никак не ожидал, что на подворье Пантелеимонова монастыря я услышу, что нечего мне в этом самом Пантелеимоновом монастыре делать. Пока я пытался осознать услышанное, иеромонах обрёл былую уверенность и, подвинув меня, разомкнул кольцо и ушагал в своём направлении.

Сёстры смотрели на меня немилосердно, словно я лишил их сладкого, и я поспешил отойти на прежнее место.

— Ждёте кого? — это был вратарник.

Вид у меня, скорее всего, и в самом деле был растерянный.

— Батюшка, который служил сегодня, велел дожждаться... А вы не подскажите, как его зовут?

— О-о! Это игумен Никон!

В голосе вратарника неподдельно звучали и благоговение, и уважение, и трепет немосквича, обретшего наконец работу в столице.

А я подумал: «Игумен! Настоящий! Это тебе не арбузы на пасеке трескаться...»

Снова появилось лёгкое чувство, что меня ведут, и требуется только довериться ведущей воле.

Братия вышла из трапезной — впереди скоро шёл игумен, а я всё: «Старичок, старичок...» Игумен повернул к храму и махнул рукой. «Меня, что ли?» За ним шли ещё два монаха. Игумен остановился перед небольшой, позеленевшей от времени дверью, которая, казалось, ведёт в подземелье, и обернулся:

— А вы чего? — сказал он монахам. — Я вот его звал, — и указал на меня.

Кованая дверь отворилась, я почувствовал лёгкий холодок, и представилось, что попаду сейчас в Средневековье: полумрак, тёмные холодные стены, на массивном столе — свеча и огромные древние книги. Книг в самом деле оказалось много, но все они были втиснуты в книжные, под потолок, полки, а вот стол был обычным для советской канцелярии — со стеклом, под которым разные памятки, с массивной лампой и подставочкой под карандаши. К столу приставлен стул, другой, чтобы можно

было пройти за стол, отставлен в угол. Кабинетик игумена оказался удивительно мал и уютен. Игумен пробрался за стол и, указав мне на ближний стул, стал расспрашивать.

Мне стало неловко, когда пришлось говорить, чем занимаюсь. Это Толстой писатель, Достоевский, Чехов, Бунин, ну Распутин, если о ближних... Крупин... В общем, рассказывать о своём бытии было стыдно и о больнице как о следствии этого бытия — тоже.

Игумен улыбался. Во всём его облике, в том, как он кивал головой и произносил: «Да, да...» или охал, чувствовались приветливость и утешение. Это не было исповедью — я рассказывал о мучившем и саднящем последнее время. И продолжал говорить всё смелее, потому что это моё было небезответно и находило участие.

О, это чудо понимания! Что это, если не Любовь! Только понимающий (не умом — сердцем) способен любить. Любовь без понимания — страсть. Любовь без понимания — безумство.

Игумен Никон, всё так же улыбаясь, протянул листочек с телефоном грека, который должен всё устроить...

Я шёл по солнечной Москве и был счастлив. Музыкой звучали сказанные на прощание слова игумена Никона:

— Вот и записочки на Афон передадите...

То есть игумен во мне не сомневался, и то, что он ни разу не помянул Пантелеимонов монастырь, нисколько не смущало.

Дальше покатило так легко и естественно, что события, именуемые в мире случайностями и совпадениями, перестали удивлять — всё выстраивалось в единственно возможную цепочку, которая вела на Афон.

Главное — ты стремишься к Богу, вот и доверишься Ему. И если для твоей пользы нужно быть на Афоне, ты там будешь. Как бы невероятно это ни казалось.

Тут у нас с Алексеем Ивановичем вышла дискуссия. Мы оба были за максимальный срок пребывания на Афоне, только каждый видел максимум по-своему. Алексей Иванович говорил о двух неделях, а я о пяти днях.

Дело в том, что десять лет я хожу в крестный ход — четыре дня мы идём к чудотворной иконе Божией Матери и Её источнику. Физически устаёшь, конечно, но с Божией помощью доходишь, но это ладно. А вот внутренне каждый раз я ощущаю себя настолько слабым, что не могу вместить благодати этих четырёх дней. Такая духовная сытость (простите за этот плотский термин) переполняет, что начинаешь бояться, как бы дурно не стало. После голода наедаться вредно. А тут — Афон. К тому же я и в самом деле испытывал страх: а примет ли Афон? И паломничество наше воспринимал как крестный ход.

В области, где живёт Алексей Иванович, тоже есть многодневный крестный ход, только они идут семь дней. Оттого я заключил, что Алексей Иванович духовно покрепче, потому и не боится задержаться

подольше. Ещё Алексей Иванович просил задержаться после Афона в самой Греции денька на два-три — для него это был первый выезд за границу.

К общему знаменателю мы так и не пришли, решив определиться, когда будем передавать греку деньги. Это должно было произойти, по нашим расчётам, в конце лета, ибо срок нашей поездки мы положили на начало октября.

Октябрь подходил для нас идеально.

Во-первых, октябрь в Греции представлялся чем-то вроде нашего бабьего лета — тихое безмятежное умиротворение природы, да и вещей тёплых тащить не нужно. Во-вторых, мы полагали, что туристический сезон закончится, и нам будет легче искать места для ночёвок. В-третьих, у меня была важная работа, которую я никак не успевал сделать раньше октября. В-четвёртых, у Алексея Ивановича на это время приходился отпуск. Собственно, два последних пункта и были определяющими.

Более поздние сроки меня не устраивали — к Рождеству у нас ожидалось прибавление в семье и, разумеется, я не мог накануне оставить жену. А после — тем более.

Но тут начались заковыки. Сначала один батюшка (я не представлял, как можно поехать на Афон без священника) сказал, что благословение уладыки (а священники допускаются на Афон только если у них есть разрешение правящего архиерея) может получить только на престольный праздник, вернее, после успешного его окончания. А праздник приходился на конец сентября. Второй потенциальный кандидат на место духовного руководителя

возможность поездки напрямую связывал с окончанием полевых работ. И сроки пришлось сдвинуть.

Через месяц выяснилось, что владыка не благословил, и виды на урожай не оправдались. А тут отпуск Алексею Ивановичу перенесли на ноябрь, и работа у меня застопорилась.

Жена тем временем ушла в декретный отпуск и, глядя на её увеличивающийся живот, я понимал: сроки подходят.

Желание попасть на Афон выросло до отчаяния, надо было прикладывать усилия. Но куда? Вот в чём вопрос! Этот вопрос («куда девать силы?») для русского человека куда актуальнее гамлетовского.

Вдруг мне заплатили за ещё недоделанную работу. Тут же Алексей Иванович сообщил, что ему на голову свалилось пятьсот баксов, и он извёлся, не зная, как грамотнее ими распорядиться.

— Едем! — сказал я, ибо снова ощутил под ногами твёрдую дорогу.

В Москве выяснилось, что ближайший рейс, которым мы можем вылететь в Салоники, — 4 ноября. В этом случае обратный приходился на 15 ноября. Получалось, что на самом Афоне мы будем восемь дней (семь ночей) и потом ещё один полностью свободный день можем провести в Уранополисе⁵. То есть выходило и не по-моему, и не как хотелось Алексею Ивановичу. Как надо, так и выходило.

— Диамонитирион,⁶ — сказал грек, — стоит двадцать долларов, а билет на паром — от пяти до десяти, смотря куда поплывёте.

— А можно сразу взять билет туда и обратно? — мне хотелось быть уверенным в возвращении.

Это чисто общажная привычка: по приезде в Москву на сессию первым делом покупался билет обратно — это гарантировало возвращение.

— Не надо сразу брать обратный билет, — перечеркнул мой жизненный опыт грек.

— Почему?

— Да мало ли что может произойти, — уклончиво ответил тот.

Я потребовал конкретики.

— Это Афон, — грек развёл руками, и это был самый конкретный ответ, который он мог дать.

Мы понимающе кивнули и отдали деньги.

Когда уже пили кофе, Алексей Иванович вспомнил:

— Что-то мы даже расписки у него не спросили...

— Чего уж теперь...

— Что будем делать?

Я вздохнул:

— Учить греческий...

Мы зашли в книжный магазин на Арбате и, помимо разговорников, приобрели толстенную книжицу «Евлогите» с описанием афонских монастырей. Впрочем, «приобрели» — неправильное слово: для нас это был дар и ещё один знак.

Когда я вернулся домой, получил от Алексея Ивановича по «электронке»: «4 ноября — Казанская!»

Да, именно так! Я не просто понял, я чувствовал, что нахожусь под Покровом, и все эти наши переносы и недоразумения — это мирские недоразумения, а там всё решено. Конечно, мы должны были ехать на Казанскую!

Желание и усилие — всё, что требуется.

Мир разжал объятия.

Это не я сказал. Это Алексей Иванович, когда 3 ноября мы обнялись на Ярославском вокзале.

Оба мы очень трудно уезжали. Я ещё за несколько часов до отхода поезда в Москву вносил неожиданно возникшую правку заказчика в уже законченную и сданную работу, а жена тем временем собирала рюкзак.

Господи, как мы встретились в Москве! Словно нам дали отпуск с фронта. Вокруг колготились люди, а мы стояли посреди перрона и улыбались друг другу, потому что только мы знали, каких усилий стоило преодолеть первую границу.

В переходе метро грек вручил нам паспорта и билеты, а заодно направил в гостиницу недалеко от Павелецкого вокзала, с которого предстояло уезжать утром в аэропорт. Но главное — возле гостиницы оказался храм, и не просто, а в честь Казанской иконы Божией Матери.

Служба уже закончилась. Шла уборка. Мы поставили свечи и пошли в гостиницу, ошалелые и притихшие от таких явных Божьих вешек.

В гостинице, испив чаю, стали делиться собранной информацией. Нам повезло — каждый из нас пообщался со священником, недавно побывавшим на Афоне.

...Молодой батюшка, узнав, что я собираюсь на Афон, сразу сказал, что на бегу говорить не стоит,

чтобы я зашёл как-нибудь часа за полтора до всеобщей. Дня через три я так и сделал.

Получилось так, что я разбудил батюшку — тот отдыхал в небольшой комнатке, напоминавшей будку сторожа: стол с телефоном, диванчик, только на стенах вместо календарей и журнальных картинок — иконы.

Пока я делился планами, батюшка собрал власы в косичку, перетянул её резинкой, провёл руками по лицу, потёр лоб и, когда я сделал паузу, произнёс:

— В общем, всё вы решили правильно — по Афону надо пройти.

Потом батюшка одобрил наше желание начинать паломничество с Великой Лавры⁷ и перешёл к практической стороне:

— Когда будете подплывать на пароме к Дафни,⁸ постарайтесь оказаться ближе к выходу. Как опустят трап, быстренько двигайтесь к автобусам — их два, типа «икарусов», сразу увидите. Они довезут до Кареи.⁹ Там на главной площади увидите такси, типа наших «газелей», спросите, какая идёт на Лавру. Говорите «Мега Лавра» — все прекрасно понимают. Куда бы ни приехали, первым делом ищите архондарик. Разместитесь и можете погулять по монастырю или вокруг. Но уже в шесть часов начинается служба, потом небольшой перерыв на сон и литургия. В Лавре найдёте трапезария Николая. Он ещё и травник. Наш человек, только маленько ультраправославный, в смысле «шестьсот шестьдесят шесть», ИНН и прочее. Он вам всё расскажет и подскажет, куда дальше идти. Хотя... там всем Божия Матерь управляет, как Она поведёт вас, так

и следуйте. Если что, ищите русских. В монастыре Святого Павла — отец Евфимий, в Ватопеде¹⁰ — отец Нектарий, грузин, между прочим, в Филофее...¹¹ Да везде! И вообще это неважно, нас там всюду тепло принимали. Очень тепло. Рядом с Кареей есть сербский скит, которому недавно Путин помог. Обязательно в нём побывайте. Там чудесный старчик подвизается. Один. А по другую сторону от Карееи — Андреевский скит, он раньше русским был.

Ещё батюшка рассказал, как они ходили к старцу и что без карты ходить там вообще никак нельзя. Дорога и сама по себе непростая: то вверх, то вниз. Поэтому одежда должна быть удобной и практичной, обувь — лучше спортивная, но с твёрдой подошвой. Еды с собой никакой не брать. Кормят в монастырях достаточно, да и есть на Афоне ни разу не хотелось. А вот бутылочку под воду надо иметь обязательно. Вода на Афоне наивкуснейшая. Источники по дороге попадают в больших количествах, и из всех можно пить. Свечи и записки в монастырях принимаются за пожертвования, а вот если заказываешь сорокоуст, то дорого. Покупки домой лучше всего делать в Карее.

— А что старец? — спросил я.

— Старец... Все спрашивали, ну и мне надо было спросить, хотя когда всё то ощущаешь... всё, что здесь, в мире, волновало, кажется таким неважным... Говорю: «Скажите что-нибудь назидательное». А он: «Готов ли к Царствию Небесному?» И что ещё спрашивать...

Перед отъездом я ещё раз встречался с батюшкой, и он принёс карту Святой Горы и два журнала

нашей епархии, которые надо было передать сербам. Желательно в Хиландар,¹² но не обязательно, главное — сербам.

Пересказав всё это Алексею Ивановичу, я подытожил:

— Так что одно место, где мы должны побывать, уже есть — сербы.

— Два, — поправил Алексей Иванович и поведал своё.

Его духовник передал в монастырь Кутлумуш¹³ уехавшему несколько лет назад монаху книги и заповедал Алексею Ивановичу, как положено, три вещи: не смеяться над монахами, что бы они ни делали и ни говорили; ничего не делать без благословения, даже палки с земли не поднимать; обязательно взять с собой дождевики.

— У тебя есть дождевик? — спросил Алексей Иванович.

— У меня куртка.

— Нет, он сказал, что дождевик.

— Да зачем мне дождевик? У меня куртка. С капюшоном.

Алексей Иванович неодобрительно покачал головой.

— Ладно, — не стал я расстраивать товарища, — если где-нибудь по дороге попадётся, купим.

Мы собирались на подворье Пантелеимонова монастыря.

— А ещё духовник сказал: нам повезло, что в такое время едем.

— Почему?

— Потому что змеи сейчас спят.

По дороге мы искали заведение, где можно было скромно, но достойно отметить обретение реальных билетов, где были пропечатаны наши фамилии и завтрашний день.

Как на грех, попадались рестораны только с национальным нерусским колоритом. То ли коренные москвичи предпочитали питаться дома, то ли русских среди них уже совсем не осталось. Поиски устраивающего общепита стали перерастать в навязчивую идею, как вдруг Алексей Иванович остановился напротив невзрачной арки.

— Вот!

Я взгляделся в подворотню.

— Ну и что?

— Видишь — «Всё для рыбалки». Там наверняка дождевики продают.

«Тьфу ты!» — чуть не сорвалось у меня, но решив, что дождевик может и дома пригодиться, шагнул в арку. Самое интересное, что, купив дождевик, в глубине двора мы увидели вывеску «Берлога медведя». Это нас удовлетворило и с эстетической точки зрения, и с национальной, и даже с политической.

4

К подворью Пантелеимонова монастыря мы подошли сытые, довольные жизнью и миром. Настроение было соответствующее: где тут ваши записки, сейчас мы их на Афон доставим!

Но ворота подворья оказались заперты. Сквозь решётку нам показалось, что в противоположной

стене есть приоткрытая калиточка, и мы стали обходить подворье.

По тропке мы сначала шли вдоль стены, потом продирались сквозь кустарник, выбрались в тихий дворик. Показалось, что, обойдя дом, мы наконец-то выйдем к калиточке, но, пройдя сквозь арку двора, мы не обнаружили монастырской стены вообще, оказавшись на каком-то московском проспекте.

Это было как в мистических фильмах, когда люди попадают вдруг из одной реальности в другую.

— Начался Афон, — сказал Алексей Иванович.

Вся спесь и сытость враз слетели, и мы потопали обратным путём. Продираясь снова через кустарник, уже не чертыхались, а благодарили за вразумление. И двери были открытыми.

На воротах оказался тот самый дядечка, что был здесь и в прошлый раз. Я бросился к нему, как к родному.

Конечно, он меня не узнал, но моя искренняя радость, когда я вспоминал прошлую встречу («Помните, вы мне ещё карандаш дали, чтобы я переписал объявление!») и ссылка на то, что игумен хотел передать с нами записки на Афон, повергли вратарника в некоторое смятение, и он, укрывшись за окошечко, взялся за телефон. «Надеюсь, не в милицию или психушку звонит», — мелькнуло в голове. Вратарник, поговорив, приоткрыл окошечко и утешил:

— Сейчас игумен подойдёт.

Слава Богу! Прощены.

Скоро, поправляя на ходу скуфейку и выбивавшиеся из-под неё власы, невесть откуда возник

игумен Никон. Разумеется, он тоже меня не узнал. Он вообще, по-моему, никак не мог понять, кто мы такие и что хотим, но позвал нас в уже знакомый мне кабинетик. Я подсел поближе, а Алексей Иванович расположился в дальнем углу, если, конечно, можно так сказать о комнатке два на два метра.

...Я не в силах передать часовую беседу с игуменом. Этого-то я и боялся, уходя от прямых обязательств писать об Афоне. Что бы ни написал — всё будет фальшиво и неточно. И апостол Павел не смог найти слов, чтобы описать третье небо. Афон, конечно, не третье небо, так ведь и я не апостол.

Попробую передать ощущения. После первых слов игумена у меня возникло чувство недоумения, потом досады и чуть ли не гнева — да за кого он нас принимает! Не проснулся, что ли?! Наступил момент, когда я прикрыл ладонью рот, чтобы скрыть усмешку. А батюшка продолжал сюсюкать с нами, как с малыми детьми. Рассказал, что есть такая книга Евангелие, где написано много поучительного, приводил примеры, поведал о мытарствах блаженной Феодоры,¹⁴ сообщил, что монашество на Руси основал преподобный Антоний,¹⁵ который до этого был на Афоне, ознакомил с кратким житием Силуана Афонского.¹⁶ И всё это с такой добротой и заботой, словно мы самые немощные и беспомощные существа.

Но постепенно тон разговора менялся. Нас задевали точные примеры из Евангелия, эпизоды из

жизни святых. Я убрал от лица руку и теперь сидел с открытым ртом, и впрямь как маленький мальчик, очарованный открывающимся миром.

Отец Никон ненавязчиво, оберегая наше самолюбие, показал нам, кто мы есть на самом деле. Мы, читавшие Евангелие, слышавшие о Феодоре, Антонии, Силуане, не имели элементарного представления о мире. Потому что мы читали глазами, слушали ушами, а надо было сердцем.

Мне стало страшно: куда мы едем? Кто мы, как мы вообще дерзаем ступить на землю, где ступала нога Богородицы?

— В Пантелеймон сможете кое-что передать? — спросил отец Никон. — Вещей-то у вас много? Пойдёмте посмотрим, что там у нас...

«Записочки повезём», — шепнул я Алексею Ивановичу, пока мы шли за игуменом через монастырский двор, а затем оказались в небольшой комнате, похожей на школьный класс в преддверии летнего ремонта — всё снимали, собрали в кучи, подвигали по углам и неизвестно, где что находится и зачем.

— Где же это у меня... — передвигался по комнате настоятель. — Ага. Вот! Что у нас тут? Книги. Это уставщику. А это? Тоже книги. А это? Это кому-то посылку передали. Что тут написано? Ну тоже отдадите уставщику, там разберутся. Ну как, не многовато ли?

— Не! — хором вострубили мы. — Нормально.

А в голове тоскливо пронеслось: «Как мы это всё потащим?»

— Оставьте одну, — отреагировал отец Никон на мои мысли.

— Нормально-нормально! Нам полезно.

«Записочками» оказались две здоровенные связки книг и средних размеров матерчатая сумка.

Вышли к воротам. Вратарник оказался земляком Алексея Ивановича, и некоторое время оба радовались этому. Стемнело. В Москве небо чёрным уже давно не бывает. В лучшем случае тёмно-фиолетовым, но сейчас белые снежинки приятно украшали его.

Все невольно посмотрели на небо.

— Как же вы на таможне будете? — задумчиво произнёс отец Никон.

Мы насторожились.

— А-а, говорите всем «доро». Это «подарок» поихнему. Господь управит. Ну, с Богом! Помогай вам Матерь Божия!

Мы благословились, подхватили «записочки» и вышли за ворота подворья. Через полтора квартала остановились передохнуть и переменить руки.

— А что он имел в виду насчёт таможни? — спросил Алексей Иванович.

Я пожал плечами.

— Наверное, вес. Сколько у тебя сумка весит?

— Откуда я знаю?

— И я не знаю.

— И что теперь?

— «Доро». Будем говорить на таможне: «Доро».

— И «ортодокс».

— А это ещё что?

— Это значит «православный».

— Спаси тебя Христос за вразумление. Бери «записочки-то»!

В переходе метро мы купили здоровущую матерчатую сумку, с какими окрестный люд набегает в столицу за товаром, и, впихнув в неё «записочки», чуть ли не волоком потащили в гостиницу. По дороге купили на утро кефира, перед сном помылись в душе и облачились в чистое — как перед битвой.

5

Утро празднования Казанской иконы Божией Матери началось для нас по-военному чётко. Подъём. Умывание. Утреннее правило. Плотный завтрак. Сдача номера. Перемещение с тяжестями к Павелецкому вокзалу.

А тишина какая кругом! Народу — никого, машин — никаких, поэтому нас напугало дребезжание подкравшегося сзади трамвая. Мы даже не подумали, что можно две остановки проехать. Своё надо нести самим. Это как в крестном ходе. Я, когда первый раз шёл, предложил одной бабушке, которая, казалось, вот-вот упадёт впереди меня, понести её сумку. В ответ услышал: «Спасибо, сынок, свои грехи сама носить буду». И мне стало стыдно, что часть своей поклажи, которая не должна была пригодиться до следующего привала, я забросил в служивый «рафик».

Добрались до храма. Он ещё только наполнялся людьми, но во всём чувствовалась праздничность — все вокруг были по-особому приветливы и нарядны.

Времени у нас было только свечки поставить и попросить Покрова у Божией Матери. Как чудесно, что наше паломничество начинается в праздник! Мы задержались в храме дольше намеченного чётким утренним военным расписанием, и я уже сам чувствовал, будто кто-то подталкивает: идите, идите, всё будет хорошо.

Как раз успели на скоростную электричку в «Домодедово». Ещё успели взвесить багаж — потянуло на пятьдесят пять килограммов. В электричке я поделился своими опасениями с Алексеем Ивановичем. Дело в том, что за границей мне бывать приходилось, в том числе и с грузом. И в мозгу отложилось, что багаж не должен превышать двадцати килограммов, а ручная кладь — пяти. Как ни раскладывай вещи — пять килограммов выходили лишними. «Записки» мы оставить не могли. Однако меня всё равно не покидала необъяснимая уверенность, возникшая в церкви, что всё будет хорошо. Ну не везём же мы ничего лишнего!

А если везём?

И вдруг я вспомнил, что отправлявший нас грек сказал, что этим же рейсом с нами летит его сотрудник, который должен нас доставить на автовокзал и отправить в Уранополис. Ну неужели пять килограммов-то не возьмёт? И я поспешил утешить Алексея Ивановича, а то он и в самом деле испереживался: сейчас начинать освобождаться от лишних килограммов или всё же дожидаться таможни?

Однако радость от встречи в аэропорту с греком быстро развеялась — у него самого веса оказалось под завязку. Алексей Иванович снова стал серьёзен

и грустен одновременно, и я, оставив его наедине с грузом, отправился шататься по аэропорту, словно должно было что-то попасться, что решило бы нашу проблему. Когда вернулся, радостный Алексей Иванович сообщил мне:

— Наш-то грек встретил каких-то своих греков, которые тоже этим рейсом летят, и те согласились взять часть наших вещей.

В общем, что-то в этом роде я и предполагал.

После того, как устроилось с грузом, произошло ещё одно мелкое недоразумение, когда Алексей Иванович никак не мог пройти через таможенную рамку и постоянно звенел, словно был сотворён не из глины, а из железа. Но всё оказалось проще — Алексей Иванович, отправляясь в паломничество, увешал себя иконками и крестами — их-то рамка и не принимала. Пришлось снять. Рамка, недовольно пискнув, всё-таки пропустила, и мы оказались за границей. То, что за границей, мы определили по очень высокой цене за малюсенькую чашечку кофе.

— Ладно, — милостиво гудел Алексей Иванович, прилаживая на груди обретенные святыни, — хороший кофе!

В самолёте нам предложили разогретую (видимо, уже не в первый раз) пиццу. Правильнее, конечно, это назвать салатом из ингредиентов, из которых предположительно готовится пицца, но какая нам разница! Ещё несколько часов назад мы топтались по Москве — и вот под нами уже Западная Украина.

— Я там родился, — объявил пилот и произнёс название города.

Да, слава Богу, мы всех вас любим!

В аэропорту Салоник мы получили свои пятьдесят пять килограммов и, волоча за ляжки матерчатую сумку, рванули к свету.

Сзади донёлся шум. Не то чтобы за нами гнались (с нашими «записками» особо-то не разбежишься), но кто-то нас настигал. Оказалось, мужчина и женщина в фуражках. Местную таможеню, выходит, мы как-то не заметили.

Женщина стала тыкать в сумку и показывать пальцами назад, как бы намекая, что нам надо вернуться. С сумкой возвращаться не хотелось.

— Чего ей надо? — спросил у меня Алексей Иванович.

Я пожал плечами.

— Доро, — произнёс Алексей Иванович.

Он произнёс это так уверенно и с такой гордостью, словно сумка набита золотыми слитками для всей Эллады. Даже тётка примолкла.

— Ортодокс, — не менее торжественно произнёс я, чем добил её окончательно.

Тут подоспел мужик. С мужиками всегда проще договориться.

Мы повторили заученный пароль. Двое в фуражках продолжали выжидательно смотреть на нас.

— Чего они, не понимают, что ли? — спросил опять у меня Алексей Иванович. — Да книги там!

Он расстегнул матерчатую сумку и надорвал одну из пачек.

— Вот! Говорим же: доро, ортодокс!

И таможенник махнул рукой. Мы подхватились и, не застёгивая сумку, устремились к выходу. Вот

тут слово «устремились» будет уместно, ибо никакой тяжести в тот момент мы не чувствовали.

На улице — плюс двадцать, огромное синее небо и зелёная гора впереди. Вообще зелени кругом хватало. И это после закованной в камень Москвы, с её минусом, мурашками снега на дряблом сереющем небе. Дополнял контраст сам аэропорт, больше похожий на автовокзал в городе средней руки. Никакой суеты, все вышедшие с рейса быстро разошлись по автобусам и автомобилям, а других рейсов, казалось, и не предвидится.

Появился «наш» грек, который встречал ещё одного паломника. Рядом была автостоянка, там грек посадил нас в небольшую машинку. Мы разместились на заднем сиденье, а попутчику предоставили возможность беседовать с греком. Тот по ходу с небольшим акцентом отвечал на всякие вопросы о Салониках. Мы глазели по сторонам на зелёные деревья и мелькавшие вдоль дороги рекламные щиты, и не было ощущения, что мы находимся за границей. Наоборот, казалось, что мы наконец-то оказались дома.

Такое чувство бывает, когда попадаешь в какой-нибудь тихий русский городок с неспешными людьми на тротуарах, где городские автобусы настолько редки, что для них даже составляется расписание, где разливается колокольный звон по вечерам. Чувство домашности окрепло, когда мы приехали на пригородный автовокзал, с которого должны были уезжать в Уранополис.

Милая провинциальность во всём: вынесенные пластмассовые столики, неспешные пассажиры

и такие же неспешные автобусы, маленькое окошечко кассы и небольшой буфетик, где нам дали такой же кофе, какой подадут на любом автовокзале российской провинции. От сосиски в тесте мы решили отказаться — денег стало жалко, всё-таки валюта.

Я попытался объяснить буфетчице, что кофе надо без сахара и молока, при этом страшно коверкал и без того незнакомые слова. Она ответила:

— Да говори нормально!

И я ничуть не удивился, услышав родную речь, больше себе попенял: чего это я на тарабарском языке говорить пытаюсь?

Солнышко припекало по-весеннему. Я, раздевшись до тельняшки, не спеша потягивал кофе и беседовал с Саньками. И над всем этим время от времени, словно музыка, журчало: «Паракало, паракало...»

Заглянув в разговорник, купленный в «Домодедово», прочитал, что «паракало» означает «пожалуйста». Получается, что объявления начинаются так: «Пожалуйста, послушайте...» Это не наше «Внимание!» Хотя, может, и правильно. Но Греция, в которой не призывали к бдительности, нравилась мне всё больше и больше.

Теперь о Саньках. Вообще-то никаких попутчиков нам не желалось. Мы радовались, что едем вдвоём, и когда на греческом автовокзале обнаружили ещё два Санька, тоже едущих в Уранополис и далее на Афон, Алексей Иванович так расстроился, что обиженно замолчал, и ознакомительный трёп пришлось вести мне.

Санёк, который приехал вместе с нами на машине, был примерно наш ровесник, грузноват, задавал много вопросов, но делать выводы и вообще говорить что-нибудь определённое не торопился. Он был москвичом. Второй Санёк был помладше, худощав, открыт и словоохотлив. Он щедро делился информацией об Афоне, почерпнутой в основном в Интернете. Этот был питерцем.

Так мы просидели на пластиковых стульях три часа. Солнце потускнело и стало опускаться за окрестные горы. Резко похолодало. Я надел свитер, потом куртку.

Ровно в 18:45, как и было обозначено в билетах, подкатил огромный автобус. Тут, стало быть, указывают не время отправления, а время, когда ты должен быть на месте, а уж когда автобус поедет — неизвестно...

Минут через двадцать стемнело окончательно, и автобус плавно, словно ему и требовалось, чтобы невидимая рука лишь тихонечко качнула его, покатил легко и бесшумно к Афону!

6

Время от времени за окнами возникали из темноты подсвеченные маленькие копии церквей. Небольшого размера, чаще всего полметра высотой, иногда поднятые на постаменте, они то и дело попадались вдоль трассы, которая становилась всё уже и всё более начинала петлять. Автобус перед очередным поворотом замедлял ход, и тогда в свете

фар эти памятники можно было рассмотреть подробнее. Да, это были самые настоящие каменные, деревянные макеты церквей, и внутри во многих горели лампадки. Сначала мы подумали, что раз церковки в основном встречаются на поворотах, то это своего рода указатели, потом я предположил, что это вроде наших придорожных надгробий. Впрочем, они встречались так часто, что стоило предположить: население Греции гибнет исключительно на дорогах...¹⁷

И тут наш автобус вкатился в сказку. Наверное, это был реальный населённый пункт, и можно раскрыть карту, залезть в Интернет, и он обретёт своё конкретное имя, но... зачем этот мир? Ведь мы уезжаем из него. Пусть будет сказка.

Огромный автобус осторожно пробирался по тесным мощёным улочкам. Под крышами маленьких домиков причудливой формы фонари давали слабый свет, и в таинственной полутьме воображение легко дорисовывало сказочные домики милых человечков, и казалось, вот-вот появится где-нибудь на крыше Оле-Лукойе. Было неловко за наш огромный динозавроподобный автобус, вторгшийся в этот чудесный мир, и страшно оттого, что вот-вот эта махина заденет какой-нибудь из сказочных домиков.

Ни одной живой души не попало, пока мы пробирались по дремотным улочкам. И когда автобус пару минут стоял под особо ярким фонарём, никто из пассажиров не вышел из него и никто не вошёл.

Этот сказочный городок оказался как некое напоминание: мы направляемся в иной мир, может

быть, уже пересекли ту границу, когда одно бытие сменяет другое...

Потом были ещё городки, все совершенно разные, но все одинаково необычные и привлекательные. Входили и выходили пассажиры. Автобус катился дальше, закладывало уши на спусках, мелькали белые церковки... Было уютно и спокойно.

Я вспомнил, что при посадке в самолёт отключил сотовый и забыл включить. «Как хорошо!» — подумал я. И рука не дрогнула.

— А как мы узнаем, что приехали на предпоследнюю остановку? — нарушил покой Алексей Иванович.

— В смысле?

— Грек сказал, что нам надо выходить на предпоследней остановке, то есть перед конечной, так?

— Ну.

— Но то, что она была предпоследняя, мы узнаем, только когда доберёмся до конечной.

Я пребывал в межбытийном состоянии, вдумываться в силлогизмы Алексея Ивановича не хотелось, и я отослал его к Санькам, сидевшим у противоположного окна, чуть ближе к водителю. Саньки занервничали, оттуда донёсся шелест карт и схем, листание разговорника и крики: «Бензинодико! Бензинодико!» — так произнёс название нашей остановки питерский Санёк. Флегматичный водитель, слава Богу, никак на эти крики не реагировал и продолжал следить за дорогой. Народ в автобусе тоже, надо сказать, отнёсся к нарушению тишины спокойно. Алексей Иванович, растревожив Саньков, вернулся в своё кресло, давая понять, что

к шуму не имеет никакого отношения. Саньки же взялись за дело всерьёз... Снова зашуршали страницы, и питерский Санёк выдал фразу на языке Наполеона Бонапарта. По интонации выходило, что мы хотим штурмом взять это Бензинодико. Или умереть. Автобус насторожился. Более всего напугал, наверное, французский, который звучит здесь реже русского. Водитель что-то пробурчал под нос. Вопль повторился. Водитель ответил. На чисто греческом. Интонационно было понятно и без переводчика. Санёк как ни в чём не бывало помахал нам рукой: «Всё нормально. Он остановит!» Хотя казалось, что водитель имел в виду что-то другое.

Мы въехали в очередной городок, остановились у бензозаправки, часть пассажиров вышла, и автобус почти опустел. Когда он тронулся, откуда-то сзади донёсся спокойный женский голос:

— Вот же Бензинодико! Чего не выходили...

Слава Богу, до конечной мы добрались минуты за три.

Водитель не торопясь открыл нам багажное отделение, мы выволокли сумки и глубоко вздохнули. Воздух был ароматен и опьяняюще свеж, где-то рядом слышалось море, впереди освещалась фонарями обратная дорога до бензозаправки.

Мы пошли по пустынной проезжей части, таща «записки», словно рыбаки сети. Саньки виновато маячили чуть впереди и сверялись по схеме, выданной нам греком в Салониках. По дороге две старухи, используя обрубки русских слов, пытались заманить нас на ночлег. Мы даже пообщались с одной,

но только для того, чтобы переменить руки, — нас ждала гостиница.

Саньки тем временем достигли искомого дома. На пороге грустно сидела тётка, очень похожая на средних лет дачницу, опоздавшую на последнюю электричку. Как она нам обрадовалась! А я, поставив сумку, вытер пот и сказал Алексею Ивановичу:

— Первым делом на Афоне сдаём «записки».

— Ты поосторожнее, — ответил тот, — видал, как мы с ними таможеню прошли? То-то. Игумен не зря нам их дал — это наш пропуск на Афон.

— Но когда туда попадём, мы их первым делом сдадим.

— Само собой. Попасть бы ещё...

Место ночлега не было гостиницей в нашем понимании слова. Это был двухэтажный жилой дом, на первом этаже которого обитала хозяйка, а второй был поделён на восемь комнатушек с общей душевой. В доставшейся нам стояли две кровати, шкаф и небольшой столик. Ещё был балкон, как шатёр, укрытый крупными листьями каких-то деревьев.

Умостив между кроватями сумку с «записками», мы сбросили рюкзаки — стало легко и весело. Теперь — к морю!

По дороге заглянули к Санькам. У них комната оказалась попросторнее, имелся персональный душ, а с балкона открывался вид на спящий город и на море.

— Быстрее, быстрее, — торопил Алексей Иванович, — а то увяжутся!

Море оказалось в нескольких шагах. Оно было тёплое и ласковое, не хотелось касаться его пыльными ботинками.

— На обратном пути надо будет обязательно искупаться, — решил Алексей Иванович.

Вдоль берега тянулись вытащенные на сушу деревянные баркасы. Они лежали на боку и в лунном свете походили на огромных морских зверей, выбравшихся на ночлег.

И — ни души. Тихо. Хорошо.

Мы стали подниматься на набережную улочку и наткнулись на Саньков.

— О-о-о! — обрадовался питерский. — А мы вас потеряли!

— К морю торопились, — повинился я и, кивнув в сторону, разрешил: — Можете умыться.

Они в точности повторили наш обряд омовения. Питерский, распрямившись, спросил:

— Видели паспортный контроль, где диамонитирионы дают?

— Угу.

— Пойдём ещё билетную кассу найдём. Чтоб завтра не искать.

— Мы вообще-то кафе хотели найти, — сказал Алексей Иванович, — и посидеть там. — Слово «посидеть» он произнёс так, словно каждый слог был в нём ударный. После паузы добавил: — Спокойно посидеть.

Санёк пропустил и ударения, и наречие.

— Так по дороге найдём.

Набережная, где первые этажи домиков занимали магазинчики для паломников и ресторанчики, была пуста. Мы лениво обсуждали, во сколько лучше встать завтра и какую карту Афона лучше купить, как услышали:

— Молодые люди, не проходите мимо!

В дверях ресторанчика стояла невысокая женщина, похожая на белую курочку. А учитывая, что одежда на ней больше походила на халат шашлычника с волжской набережной в конце лета, то всё же на пеструшку. Нет, мы определённо были дома!

Алексей Иванович встал.

— Заходите, покушайте! — она сказала это так искренне и задушевно, что все шашлычники отдыхают — всё-таки Европа.

Питерский Санёк спросил:

— А далеко здесь до кассы?

— Да нет. Вон, где набережная заканчивается.

— Надо сходить, — вздохнул Санёк, поглядывая на Алексея Ивановича.

— Вы идите, а мы посидим, — как можно вежливее сквозь зубы выдавил Алексей Иванович.

У меня никогда не хватило бы духу так внаглую отшивать соотечественников, и я посмотрел на Алексея Ивановича с благодарностью. И виновато — на Саньков. Ну они и пошли.

Мы не стали заходить внутрь, прошли в огороженное оранжевой плёнкой то ли от других ресторанчиков, то ли от ветра пространство, выбрали ближний к морю столик и обрели покой. Было так тихо и хорошо! Но пришлось говорить — подошла

наша милая Пеструшка. Звали её Яна. Родом она была с Украины.

— Ты как? — зная мои хвори, спросил Алексей Иванович.

Мне пришлось бы долго объяснять, и всё равно никто бы ничего не понял, поэтому я просто кивнул.

— Два бокала сухого красного вина, только какого-нибудь именно вашего, местного вина.

— О! У нас есть отличное домашнее вино.

— И сыра! — подал-таки я голос.

— Я принесу вам фету!¹⁸ — торжественно объявила Пеструшка.

— Несите.

Когда она ушла, Алексей Иванович спросил:

— А что такое фета?

— Какая разница? — вопросом на вопрос ответил я.

Вино и фету нам принёс сухонький, невзрачного вида, но с очень добрым и улыбочивым лицом этакий состарившийся петушок. Ещё он принёс большие папки с меню, в котором мы ничего не понимали, как и в его иноземном лопотании. Пришлось позвать Пеструшку, и скоро на столе появились салаты, мясо с обилием гарнира и подогретый, слегка хрустящий хлеб.

Где-то в середине трапезы снова появились Саньки... Впрочем, это уже неважно... В гостинице мы прочитали вечернее правило, затем не могли остановиться и стали читать благодарственные молитвы, потом — просительные. Спать не хотелось.

Кто-то из нас заглянул в шкаф и обнаружил там тёплые одеяла. Укутавшись, всё-таки легли и тут же уснули.

Самое яркое впечатление утра — свисающие над балконом гранаты. 5 ноября, в Москве — мороз, а тут... Вот полицейский участок напоминал обычное районное почтовое отделение: сотрудники огорожены деревянными барьерами со стёклышками, на стенах висят такие же плакаты, только на греческом.

Вдоль барьеров тянулась очередь. Просовываешь паспорт, делаешь шагок — паспорт возвращается, шагок дальше — протягиваешь двадцать евро, ещё продвижение — получаешь жёлтый листок формата А5. Это и есть пропуск на Афон — диамонитирион.

Только протянул паспорт, появились Саньки.

— Они с нами, — пояснил я, пропуская Саньков вперёд, и на всякий случай добавил: — Мы занимали.

Не знаю, доходчиво ли объяснил, но никто не возмущался.

Алексей Иванович, видимо, до конца сомневался, что всё получится, и когда задержался у последнего окошечка, засвидетельствовал:

— Ортодокс!

Человек в форме покосился на Алексея Ивановича, но заветный документ выдал.

Буднично всё получилось. Даже несколько обидно стало, хотелось хоть мало-мальской торжественности, что ли, напутственных слов хотя бы.

Мы с женой так расписывались. Зашли, подписали бумаги, получили свидетельство, вышли. Постояли на выходе, словно не веря, что вот мы уже муж и жена, а пять минут назад как бы ими и не

были. Ничего не изменилось в окружающем мире. Гром не грянул...

Наконец мы занесли вещи к Яне, заказали яичницу и отправились к кассам. У закрытого окошечка толпился народ — человек тридцать, половина монахи и священники. Русские батюшки выделялись статностью, благородной сединой и старанием держаться чуть в стороне.

Мы повернулись к морю и сразу узнали наш корабль — большой трёхпалубный морской паром, на борту которого ясно читалось «Святой Пантелеимон». Надпись была, конечно, на греческом, но сразу бодрее забилось сердце — мы и должны первым делом попасть в Пантелеимонов монастырь. Можно подумать, что специально за нами из монастыря послали. Паром, слегка покачиваясь на волнах, казался большим белым айсбергом, прибывшимся к маленькому городку. Мы подошли ближе и заглянули внутрь пока пустого чрева, по которому, громко переговариваясь, прохаживалось несколько человек. Мы с уважением смотрели на них.

Неужели через час мы поплывём на этом чуде? Я невольно пощупал сложенный в кармане диамонитирион.

Да, оставался всего час. Мы повернули к кассам и, сходя с пирса, увидели маленькую, чуть больше человеческого роста, часовенку. Зайти можно было только одному. Но как уютно было внутри! Перед большой иконой Николая Чудотворца горела свеча.

Как Господь всё разумно расставляет на нашем пути! Почему, почему мы не замечаем Его знаков?

Почему мы не можем видеть мир таким, каким устроил его Бог?

Ведь мир не меняется. Ну пересел человек с кибитки на поезд, ну пишет не гусиным пером, а на компьютере, но что изменилось в самом человеке? Разве он стал по-другому переживать любовь? Разлуку? Смерть? Да, человек старается мир заполнить собой, думая заглушить, вытеснить, заслонить всеми этими новыми предметами Бога. Но Божий-то мир неизменен! Вот в чём штука. А прогресс — да, он всё усложняет... А как хочется простоты... Чтобы око было просто...

Мы вернулись к кассам, как раз когда началось шевеление. Алексей Иванович сопротивлялся, но я убедил его, что это единственная возможность разменять его 100 евро. Он попытался всучить сотку мне, но я отказался брать чужие деньги и, отойдя к батюшкам, занял выжидательную позицию.

Через пять минут Алексей Иванович вывалился из небольшого людского клубка, возбуждённо размахивая белыми билетиками, словно выиграл в лотерею. И в самом деле, разве это не выигрышные билеты? Кстати, вспомнил: до Пантелеимонова монастыря они стоят семь евро, а до Дафни — девять.

И снова я не испытал каких-то особенных чувств, словно точно знал, что именно так и будет. Мы побрели к Яне. Саньки как раз доедали, мы помахали перед их носами билетами, те активнее заработали вилками, и через пару минут мы остались в ресторанчике вдвоём. Яна принесла королевскую яичницу. Невероятных объёмов у них порции. Если они

думают, что мы и дома так едим, то, наверное, для Европы Россия и впрямь великая и богатая страна...

Быстро позавтракав, мы подхватили «записки». Сосредоточившись в основном на сумке, только два раза остановились, чтобы переменить руки и перевести дух, и лихо протащили её вперёд. Мы поставили сумку на нижней палубе у левого борта.

— Уф-ф! — облегчённо выдохнул Алексей Иванович и шёпотом спросил: — А чего это они там проверяют?

Я оглянулся на людей в форме у трапа.

— Билеты, наверное.

— А у нас почему не проверили?

Мы посмотрели друг на друга, потом снова на полицейских, останавливающих на входе людей, и расхохотались.

— Ай да отец Никон! Доро, доро! Он не груз, он пропуск нам дал!

Я заметил прошедших контроль Саньков, которые поднимались на верхнюю палубу. И почти сразу задрожало нутро парома, подняли трап, и мы медленно, словно что-то ещё должно было случиться, стали отходить от земли.

— Пошли наверх! — предложил я.

— А вещи? — спросил Алексей Иванович и сам же рассмеялся, хлопнув себя по лбу.

Мы сняли рюкзаки и, приставив их к сумке с «записками», пошли за Саньками.

На верхней палубе сильный ветер пробирал насквозь. Рядами стояли пластиковые стулья, но на них почти никто не сидел. Сама мысль сидеть на таком холодном ветру вызывала озноб. Саньки

позвали на среднюю палубу, там был большой зал, я боялся, что из-за стекла могу пропустить важное — где кончается мир и начинается иное.

Минут через десять мы спустились к нашим вещам, там от ветра можно было спрятаться за железной опорой.

Паром плыл недалеко от берега, который сразу из воды горой поднимался вверх, земля едва прикрывала камни, и растительность, в основном широкие и низкие кустарники, была скудна. Вот показалось что-то похожее на развалившийся песочный замок, какие строит на летних пляжах детвора. Скорее всего, это старая крепость, за которой должен начинаться Афон. Так где мы? Там или ещё здесь? Гулко раздалось сверху:

— Паракало! Иваница! — и паром стал подходить к берегу.

Несколько удивило негреческое название пристани. Позднее узнали, что это арсана¹⁹ сербского монастыря Хиландар.

Берег выглядел заброшенно: глиняный невзрачный домишко да выдававшаяся в море каменная плита, обозначавшая причал. Паром подступил к ней, с цепным грохотом опустилась носовая часть, два монаха сошли с корабля. Цеп заработала обратно, зев парома захлопнулся, и корабль дал задний ход. Монахи забросили небольшие котомки за плечи, пошли по еле виднеющейся тропинке вверх и скоро скрылись.

Мы отплыли от берега, и ветер принялся за нас с новой силой: то ли не пускал на Афон, то ли, наоборот, старался выдуть всю накопившуюся дурь.

Когда мне было лет двадцать пять, в одном из мордовских монастырей отвечающий за исповедь монах пригласил меня после службы к себе в келью, и мы час с ним проговорили. По молодости я полагал, что могу разговаривать с монахами вместо того, чтобы слушать их. Неожиданно монах сказал:

— Идём к нам в послушники! Тебе это легче будет, «хвоста-то» нет.

Предложение огорошило. Разговор сам собой свернулся, и до дома я пребывал в ступоре. Войдя в квартиру, опустил дорожную сумку, включил свет в коридоре и вдруг сладостно ощутил: я — дома! И ни в какой монастырь завтра послушником идти не надо. Какое облегчение я тогда испытал!

Мне и сейчас неловко за ту накотившую радость. Словно не выучил урок, а должны были обязательно спросить, и вот в школе узнаёшь, что учитель заболел. Вот такой я ученик.

А если скажут: «Оставайся. Вот тебе келья. Живи, молись. Ты же этого хотел? Покоя и тишины?» Я затряс головой, отгоняя наваждение: «Нет, не скажут. У меня теперь „хвосты“ — жена, ребёнок, второго ждём...»

Нет, не скажут. Не должны...

Алексей Иванович подумал, что меня трясёт от холодного ветра, и предложил:

— Дать тебе куртку?

— Скоро уже приплывём, — ответил я. — Говорили, что до Дафни час с небольшим плыть. Пантелеймон перед Дафни, а мы уже минут сорок плывём.

— А мы не прозеваем?

— В смысле?

— Ну вон Бензинодико тоже предпоследняя была...

Я кивнул на сумки:

— Доро!

Паром огибал очередной выдавшийся в море уступ горы, и мне даже показалось, что блеснуло солнце, — мы увидели Пантелеимонов монастырь.

Мы узнали его сразу, хотя ни разу не были здесь. Да, видели фотографии, да, читали описания в путеводителях... Но мы узнали его сердцем! Это наш родной Пантелеимонов монастырь!²⁰

Перед нами поднимался настоящий город — с огромными домами, башенками, куполами, крепостями. От его зелени и бирюзы веяло свежестью, как от заново выкрашенной перед Пасхой церкви. И то, что монастырь не был отгорожен массивной крепостной стеной, тоже нравилось.

Конечно, этому есть логичное мирское объяснение — подъём Пантелеимонова монастыря пришёлся на XIX век, когда уже не нужно было опасаться набегов пиратов и турок. Но об этом не думаешь — ты не видишь стен и сразу веришь, что здесь готовы принять тебя.

Но кто я такой, чтобы входить в этот чистый бирюзовый город? Всякий мой шаг, каждое движение, помысел будет пятном на его челе. Как я вообще могу думать, что войду туда!

Да и не пустит никто. Хорошо, если скажут: «Вон там, за обителью, сарай. Живи, если хочешь». Хочу, Господи, хочу! Дай быть ближе к Тебе! Хоть под стенами обители Твоей...

Между тем перед носовой частью парома, которая, словно челюсть громадного кита, вот-вот должна была опуститься, собралась довольно внушительная группа человек в тридцать. Половина из них батюшки разного возраста, чина и комплекции, но все неувлимо схожие — все благоговейно смотрели на поднимающийся над нами монастырь. И наш паром, дотоле казавшийся огромным китом, из чрева которого мы должны были выйти, теперь представлялся малой посудинкой, лодчонкой, доставившей нас через море милостью Божией...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Не помню толком, как мы сошли на берег. Поначалу и берега не было, а тянулся глубоко врезавшийся в море пирс. Потом под ногами оказалась брусчатка, и я заметил, что Алексей Иванович стоит на коленях и целует её. Потом он поднялся и посмотрел на меня радостно и лучисто. Волосы всклокочены, борода — набок, хемингуэевский свитер дополнял облик счастливого путешественника, вернувшегося домой.

— Слава Богу, Сашулька, добрались...

Ну почему я не могу быть таким?! Почему я скрываю в себе то, что хочет вырваться наружу? Я не крещусь, проходя мимо храма, а если и крещусь, то украдкой, оглянувшись, не видит ли кто. Когда меня приглашают к одиннадцати на какое-нибудь